

Впервые этот инструмент Гаранян получил в руки, чтобы отремонтировать. С тех пор не выпустил

Творческая биография композитора, дирижера и замечательного джазового альт-саксофониста Георгия Гараняна хорошо известна. Наибольшую популярность он приобрел как руководитель ансамбля «Мелодия», дирижер симфонического оркестра Комитета по кинематографии, автор музыки к кинофильмам и телевизи-

онным постановкам. Последний его проект, существующий с 1998 года, но уже приобретший известность, — Краснодарский биг-бэнд. Он единственный джазовый музыкант, имеющий свой абонемент в Большом зале консерватории. А недавно номинирован на Государственную премию РФ...

подготовки, и от настроения, и от партнеров, и, конечно, от аудитории. И это вызывает необыкновенный эмоциональный накал.

— Как вы относитесь к попсе?

— Попса, как и вся массовая культура, задача которой — привлечь к себе как можно больше народа, отражает общий культурный уро-

начинал именно в джазовом ансамбле.

— Вы выступаете и с огромным биг-бэндом, и соло, и в трио, квартетах. Это свойство музыкального темперамента?

— Я придерживаюсь принципа, что играть надо в любых ситуациях, в любом окружении, главное — как можно больше играть. С теми музыкантами, которых я

спонсор, естественно, это тут же отразилось и на нас. Биг-бэнд, правда, большей частью перебазируется — сейчас это оркестр пограничников, — но не совсем в том виде, каким он был.

Теперь у меня — краснодарский оркестр. Местная администрация мне предложила, и я подумал: почему бы не попробовать? Вскоре нам во

различными самодельщиками, и у меня всегда были какие-то совершенно невероятные ревербераторы и другие устройства — еще задолго до их широкого у нас распространения.)

Очень памятен мне один случай. В 1973 году оркестр Геннадия Рождественского в Горьком впервые исполнил симфонию Шнитке, и Геннадий Николаевич пригласил участвовать в премьере ансамбль «Мелодия». По замыслу композитора, симфонический оркестр играл вступление, затем вступал джазовый коллектив, который звучал все громче и громче и затем на какое-то время даже «вытеснял» симфонический оркестр, который ближе к концу, правда, «возвращался» на сцену. А я в это время как раз начинал экспериментировать с электронной и играл на электронном саксофоне. И когда Геннадий Николаевич послушал, что я делаю на своем электронном чудовище, он пришел в такой восторг, что вместо ансамбля предложил мне играть соло и «бороться» с симфоническим оркестром в одиночку. После того как премьера состоялась, Рождественский так расчувствовался, что в поездке на обратном пути поставил мне бутылку хорошего коньяка.

— А что вы делаете в последнее время как композитор?

— Одна из последних работ — музыка к мюзиклу Евгения Гинзбурга «Игра в любовь» (он был показан в новогоднюю ночь на канале ТВЦ). Структура фильма такова, что для него требовалась только эстрадно-попсовая музыка, но я сделал и обработку нескольких серьезных вещей — двух прелюдий Шопена и арии из оперы «Кармен».

В моем кабинете собрана небольшая электронная студия, в которой есть все необходимое не только для работы над партитурами, но и для звукозаписи. В наше время, как мне кажется, каждый композитор должен обладать определенными техническими средствами — это открывает очень большие возможности.

— Концертный сезон 2000—2001 года подходит к концу. Что вам больше всего в нем запомнилось?

— Одно из самых ярких событий — январский концерт моего биг-бенда в Большом зале консерватории, посвященный памяти Глена Миллера. Мы исполнили двенадцать его произведений и кое-что еще. Например, мне было очень интересно посмотреть, как московская публика примет совсем не джазовую мою музыкальную фантазию, посвященную «Битлз», которых я очень люблю.

Последний концерт моего абонемента в Большом зале консерватории в этом сезоне состоится 25 апреля. Это будет очень необычный джазово-литературный вечер. В нем принимают участие народный артист России Александр Филиппенко, известный израильский пианист Михаил Пташка...

— О чем вы мечтаете? — Я очень хочу иметь джазовый оркестр в Москве и знаю, что в Москве можно создать биг-бэнд мирового класса. Ведь здесь много хороших музыкантов. Эта мысль меня не оставляет.

● Александр СЛАВУЦКИЙ

ДЖАЗ ПО ЛОТЕРЕЙНОМУ БИЛЕТУ

Новая газ. — 2001 — 18 апр. — с. 21.
Георгий ГАРАНЯН мечтает о биг-бенде в Москве

вень того общества, в котором мы живем. И, к сожалению, я вам должен сказать, что, наверное, мы получаем, так сказать, по заслугам.

— Не кажется ли вам, что джаз в каком-то смысле несет за полосу ответственность? Ведь если попытаться проследить ее происхождение, то в конце концов мы приходим к джазу, потому что в основе поп-, да и рок-музыки лежит преобладающая роль ритма, точнее ритм-секции, что пришло в музыкальное искусство именно с джазом.

— Нет, никогда и ничего общего не было. Эстрада всегда была эстрадой, а джаз — джазом, просто иногда они перекрещивались. Попса, конечно, использует некоторые простые джазовые ритмы, ка-

кую, я стараюсь играть везде. Денежный вопрос, конечно, важен, но не он — главный. Половина моих выступлений всегда бесплатны.

— Вы общепризнанно один из самых удачливых джазменов, вы сумели создать несколько значительных биг-бэндов — и в те годы, когда это было трудно по причинам идеологическим, и в те, когда этому препятствовали сложности экономические. Как вам удалось это сделать?

— Биг-бэндов у меня было три. Один полубиг-бэнд — ансамбль «Мелодия». Вопрос о его содержании решался очень просто. Конечно, те копейки, которые мы получали в фирме грамзаписи «Мелодия», не могли решить наших проблем. Но

второй раз предстоит гострольная поездка на Тайвань. Когда мы там были впервые, публика после каждого концерта устраивала нам настоящую овацию. Затем мы поехали на джазовый фестиваль в Израиль. Биг-бэнд очень высоко оценивается за рубежом.

— Я слышал, что вы создали какой-то джазовый фонд...

— Это было во времена Черкасова. История разорения нашего спонсора такова. Чтобы заработать деньги в помощь джазовым музыкантам, фонд выпустил лотерейные билеты. Печатали их некая крупная английская фирма. Но почему-то выигранные билеты были напечатаны на одной машине, а остальные — на другой. Распространители тут же разоб-

Такую картину проще увидеть в Краснодаре, чем в Москве

кие-то специфические приемы аранжировки, что-то еще, но только и всего. Другое дело, что музыканты, которые играют джаз, могут играть что угодно, в том числе и попсу. Я всю жизнь делал аранжировки, и в свое время мой ансамбль «Мелодия» аккомпанировал эстрадным звездам. А заставьте поп-музыканта играть джаз...

— В чем отличие джаза от классической музыки, если возможно его сформулировать?

— В классической музыке все определено и расписано. А джаз прежде всего — искусство импровизации, то есть музыка, которая рождается прямо на сцене, сию минуту. Игра джазового музыканта зависит и от профессиональной

всегда была возможность приработка. Например, мы были тесно связаны с Львом Лещенко и постоянно с ним выступали. Ребята были очень довольны: они зарабатывали приличные деньги на гастролях. А у меня оставалось много свободного времени, чтобы писать музыку.

Затем был «Московский биг-бэнд Георгия Гараняна», в котором собрался весь цвет Москвы. Оркестр был создан на деньги предпринимателя Сергея Черкасова. Но как только начались неудачи у

рались, что к чему, и разорили фонд. Черкасов подавал в Международный суд, и все говорили, что он наверняка победил бы, если бы у него хватило денег на ведение процесса.

— Как вы относитесь к использованию в музыке электроники?

— С «электричеством» я работаю, и очень давно. Мое первое выступление в сопровождении компьютера состоялось еще в конце мая 1986 года. (Хотя еще задолго до появления ЭВМ я общался с

— Георгий Арамович, правда ли, что вы по образованию инженер?

— Да, это одно из моих образований. Я окончил Московский станкоинструментальный институт. Дело в том, что в 50-е годы музыкантам, учившимся в консерватории или музыкальных училищах, играть джаз было категорически запрещено. Поэтому первое поколение нашего джаза составили в основном инженеры, ученые, врачи. Тогда это было нормой и никого не удивляло. Проблемы начались несколько позже, когда мы стали поступать в различные профессиональные оркестры, где требовался диплом о музыкальном образовании. Но нас выручали характеристики и поручительства различных видных людей, поскольку какой-то авторитет в музыкальном мире к тому времени у нас уже был.

Довольно забавная история произошла в 1982 году, когда мне присуждали звание заслуженного артиста. Документы пришли в президиум Верховного Совета СССР, и там начали недоумевать: зачем инженеру звание заслуженного артиста?

Хотя музыкальное образование у меня тоже есть, но не высшее, а среднее, причем довольно своеобразное: я сдал в один день экстерном все экзамены за дирижерские курсы при консерватории.

— Говорят, что и на саксофоне вы научились играть на спор...

— Нет, не то что на спор, а скорее от нечего делать. Я был старостой в институтском оркестре, играл на фортепиано, и мне дали отремонтировать саксофон. Я принес домой, посмотрел — игрушка занятная, красивая. С этого все и началось. Вроде бы я быстро научился играть на саксофоне, меня везде сразу признали, но это сослужило мне плохую службу, поскольку через два года, когда я поступил в оркестр Лундстрема уже как профессионал, понял, что играть совершенно не умею. Я забросил все свои сольные партии, взял те, что поскромнее, и занимался с утра до ночи.

— А что вас сформировало как музыканта?

— Какие-то ориентиры и основные представления возникли довольно рано, еще в

детстве. Когда началась война, у населения отобрали все, что могло бы осуществить связь с внешним миром, и в моем распоряжении остался только электропроигрыватель с кучей пластинок, среди которых совершенно случайно были и джазовые. Первые месяцы, когда электричества не было, я слушал музыку так: ставил пластинку и раскручивал ее пальцем, подбирая нужную скорость, выдерживая постоянный темп. Так для меня и открылся мир джаза, и пожалуй, вот это была моя первая школа, первая академия.

— Наверное, вы не только слушали, но и пытались подбирать услышанное?

— Подбирать я начал значительно позже, в старших классах. У нашей соседки по коммунальной квартире был рояль, и она мне разрешала по часу в день на нем баловаться. Вот тогда я начал наигрывать особенно запомнившиеся джазовые темы. Когда поступил в институт, пришел в студенческий оркестр и через какое-то время сам стал его руководителем. После защиты диплома я по специальности ни одного дня не работал, сразу же пошел работать в Москонцерт.

— Что для вас означает джаз?

— Такой вопрос задают довольно часто, но ответить на него небанально очень сложно. Ведь джаз — это вся моя жизнь. В те годы, когда джаз играть было нельзя и я работал в эстрадном оркестре, мы собирались с друзьями и играли в домашних условиях, выступали на первых подпольных фестивалях. А сейчас джаз — это девяносто процентов моей жизни. Я должен считать себя счастливым человеком, ведь даже в Америке — на родине джаза — людей, которые зарабатывают себе на жизнь только джазом, считаное количество.

— В чем отличие джаза от классической музыки, если возможно его сформулировать?

— В классической музыке все определено и расписано. А джаз прежде всего — искусство импровизации, то есть музыка, которая рождается прямо на сцене, сию минуту. Игра джазового музыканта зависит и от профессиональной